

Глава 49. Отчаяние юности: всё прах и тлен...

Как уже упоминалось, после того как Линь Госюн и Линь Гохун обзавелись собственными семьями, у каждого из них родилось по двое сыновей и по дочери. За исключением самого младшего сына Линь Гохуна — Линь Юаньсуна, который до сих пор оставался холостяком и вечно пропадал в разъездах по всему свету, остальные дети давно вступили в брак и обзавелись собственным потомством.

Если подсчитать внимательно, то, включая Линь Цзинли и Линь Ханя, у Фэйфэй было пять дядей, две тети и девять двоюродных братьев и сестер.

Пока оставалось время, и на расчищенной площадке уже красовался свежеслепленный снеговик, Линь Хань и Фэйфэй устроились друг напротив друга на диване. Старший брат решил провести для малыша «курс экстренной подготовки».

В семье Линь существовала старая традиция: каждый год в канун праздника Весны делать общую фотографию. В прошлом году из-за того, что не все смогли собраться, снимок сделать не удалось, поэтому Линь Ханю пришлось достать фотографию двухлетней давности в качестве «учебного пособия».

— На этом фото не хватает двоих, — Линь Хань указал на большой снимок. — Тебя, Фэйфэй, и твоего маленького двоюродного брата из семьи третьего дедушки. Он родился как раз после прошлого Нового года, так что сейчас ему должно быть около двух лет.

Фэйфэй серьезно кивнул, показывая, что запомнил.

— Братик совсем маленький, даже меньше Фэйфэй, да? Когда он придет завтра, Фэйфэй станет старшим братом. Я буду о нем заботиться.

Поскольку и дома, и среди друзей Фэйфэй всегда был самым младшим, известие о появлении кого-то еще более крошечного привело его в восторг. Малыш, о котором все и всегда заботились, теперь сам жаждал примерить на себя роль покровителя.

— Ага, его легко узнать. Завтра, если увидишь кого-то меньше себя — это точно младший братик Яояо из семьи третьего дедушки. А теперь давай запоминать остальных, — Линь Хань ткнул пальцем в мужчину, стоявшего за спиной сидящего Линь Госюна. — Это старший дядя Тяньюань. Он самый старший в поколении твоего папы.

Фэйфэй придвинул голову поближе к фотографии, внимательно вглядываясь в лицо, и наконец кивнул.

Удовлетворенный, Линь Хань переместил палец на другого мужчину.

— Это второй дядя Юйцин. Тоже сын старшего дедушки.

— Второй дядя, — послушно повторил Фэйфэй.

— А это старшая тетя. Дочь старшего дедушки. Она младшая сестра старшего дяди и старшая сестра второго дяди.

Фраза была длинноватой, но Фэйфэй, загибая пухлые пальчики, все же сумел распутать этот клубок родственных связей.

Закончив с ветвью старшего дедушки, Линь Хань указал на двух мужчин и женщину, стоявших за спиной Линь Гохуна.

— Это вторая тетя. Старшая дочь третьего дедушки.

— Вторая тетя.

Линь Хань продолжал:

— Это второй сын третьего дедушки. Я зову его третьим дядей — «шушу», но тебе нужно называть его третьим дядей — «бобо».

Фэйфэй начал медленно сползать по спинке дивана. В его глазах зажегся огонек растерянности, который Линь Хань в пылу обучения еще не успел заметить.

— Третий дядя...

— Это четвертый дядя Юаньсун.

— Четвертый дядя.

— Это жена старшего дяди.

— Жена старшего дяди.

— А это жена второго дяди.

— Жена второго дяди...

В этих объяснениях Линь Хань намеренно не учитывал Линь Сыняня и Линь Цзинли. Поскольку они были родными братьями, Фэйфэй и Линь Хань были куда ближе друг к другу, чем к остальной родне. Линь Хань звал Линь Сыняня просто «младшим дядей», а Фэйфэй привык называть Линь Цзинли «дядей».

Если же брать общую иерархию поколения, то Линь Цзинли был четвертым по старшинству, а Линь Сынянь — предпоследним.

К этому моменту в голове Фэйфэя уже всюю кружился вихрь из «дядей» и «тетей». Однако сообразительный маленький зверек быстро нашел выход.

Линь Хань, решив, что вводная часть окончена, перешел к «внеплановой проверке». Он наугад ткнул в первого попавшегося человека на фото:

— Это кто?

— Дядя! — звонко выпалил малыш.

Линь Хань на мгновение замер. Подумал и решил, что, в принципе, ответ верный. Не поправляя его, он указал на другого мужчину:

— А этот?

Фэйфэй ответил без малейших колебаний:

— Дядя!

«Тоже дядя...» — Линь Хань почувствовал неладное. Он промолчал и продолжил допрос:

— А эту узнаешь?

— Тетя! — нежный голосок малыша, который все еще каждый вечер выпивал по чашке детской смеси, звучал по-особенному мягко и «молочно».

Линь Сынянь, который все это время молча наблюдал за братьями, заметил подвох гораздо раньше Линь Ханя. Он лишь покачал головой с едва заметной улыбкой.

Экзамен продолжался. Когда остался последний человек, Линь Хань указал на мужчину за спиной Линь Гохуна:

— Фэйфэй, а это кто?

На снимке был взрослый мужчина.

— Дядя! — выкрикнул малыш.

Линь Хань с размаху хлопнул себя ладонью по лбу и бессильно откинулся на спинку дивана.

— Это четвертый дядя... — выдохнул он.

Оказалось, все его старания привели лишь к тому, что малыш усвоил простую истину: видишь мужчину — зови дядей, видишь женщину — тетей.

Заметив реакцию брата, Фэйфэй осознал свою ошибку.

— Прости, братик. Фэйфэй не узнал и напутал.

Линь Хань махнул рукой и решительно выпрямился:

— Еще раз!

Он во что бы то ни стало вознамерился научить малыша различать родню.

После еще нескольких кругов мучений Фэйфэй наконец-то начал попадать в цель. Теперь он мог соотнести лица на фото с именами: старший дядя, старшая тетя, второй дядя, младшая тетя, третий дядя, четвертый дядя...

Линь Хань почувствовал такой прилив гордости за своего ученика, что, получив разрешение Линь Сыняня, немедленно открыл коробку мороженого для празднования успеха.

В награду Фэйфэю Линь Хань положил в его вазочку огромный, идеально круглый шарик. Малыш принял угощение обеими ручками. Сладкий, леденящий вкус мгновенно смыл всю усталость от учебы.

Окрыленный мороженым, Фэйфэй даже выдал «великое обещание»:

— Братик, Фэйфэй может запомнить еще больше!

«Если я запомню больше, дадут ли мне еще мороженого?» — в этом прозрачном намеке читалось всё детское коварство.

Линь Хань бросил взгляд на Линь Сыняня. Тот немного подумал и ответил:

— Сегодня больше нельзя. Но завтра получишь еще кусочек.

Малыш радостно спрыгнул с дивана, схватил фотографию и вложил ее в руки Линь Ханю:

— Фэйфэй готов!

Раз энтузиазм ученика бил ключом, учитель не имел права отступить. Линь Хань отставил свое недоеденное мороженое на кофейный столик и вернулся к занятиям.

Со старшими разобрались, настала очередь сверстников.

У старшего дяди было двое детей, у старшей тети — один. У второго дяди — двое. У младшей тети — двое. У третьего дяди был один сын, которого не было на фото.

Поскольку старшая и младшая тети в этом году встречали праздник в семьях мужей, на новогоднем ужине их не будет. Они приедут со своими мужьями и детьми поздравлять Линь Госюна, Линь Гошэна и Линь Гохуна только на второй день Нового года.

Так что завтра в старом особняке соберутся: старший дедушка Линь Госюн, третий дедушка Линь Гохун. Дяди: Линь Тяньюань, Линь Юйцин, Линь Юйшо и Линь Юаньсун.

А также двоюродные братья и сестры: Линь И, Линь Хуань, близнецы Линь Ци и Линь Линь, и самый маленький — Линь Яо.

Линь И и Линь Хуань были детьми старшего дяди Тяньюаня. Линь И уже исполнилось двадцать, он учился в университете. Линь Хуань было семнадцать, она вовсю готовилась к выпускным экзаменам.

Линь Ци и Линь Линь — сыновья второго дяди Юйцина. Близнецам было по шестнадцать, они учились в старшей школе.

Внуки старшего дедушки уже почти выросли, а вот у третьего дедушки сыновья либо поздно женились, либо вовсе не спешили под венец. Линь Гохун на них не давил, в итоге его единственный внук Линь Яо родился даже позже Фэйфэя.

Линь Хань терпеливо, шаг за шагом, распутывал перед Фэйфэем это генеалогическое древо, надеясь на понимание. Однако, похоже, таланта педагога у него не было, да и возможности памяти трехлетнего ребенка он явно переоценил.

В итоге, когда Линь Хань закончил и снова перешел к вопросам, малыш окончательно смешал в кучу информацию из первого и второго уроков.

— Это кто? — Линь Хань указал на четвертого дядю Юаньсуна.

— Старший братик! — взгляд малыша, устремленный на фото, из ясного превратился в совершенно затуманенный. Линь Хань окончательно его запутал!

Рука Линь Ханя дрогнула. В сердце закралось недоброе предчувствие.

— А... а это тогда кто? — он указал на настоящего старшего брата Линь И.

Фэйфэй замялся. Он поднял глаза на Линь Ханя, пытаясь найти подсказку в его выражении лица, но тщетно.

— Дядя? — неуверенно пролепетал кроха.

Линь Хань посмотрел на двадцатилетнего Линь И. Да, он признавал, что перед тем, как было сделано это фото, старший брат только вернулся с тренировок в Северной Великой пустыне вместе с парнями из «Хэйянь» и изрядно обгорел. Но черты лица-то у него отличные! Когда загар сошел, он стал даже немного похож на младшего дядю Сыняня. Ну никак он не мог выглядеть в глазах ребенка настолько старым!

Наконец, палец Линь Ханя замер над снимком, а затем, сделав небольшой крюк, указал на подростка, стоявшего рядом с близнецами.

— Фэйфэй... как ты думаешь, кто это?

У малыша от обилия лиц уже началась настоящая «лицевая слепота». Он взглянул на фото, сверился с тем, что пытался запомнить...

— Третий братик Линь Линь!

Рука Линь Ханя задрожала. Это же был он сам! Какой еще «третий брат»?!

Линь Хань почувствовал, как в спину вонзился взгляд — это был Линь Сынянь. Ошибиться было невозможно.

Он внезапно выхватил фотографию из рук Фэйфэя.

— Всё, не учим. Хватит. Подумаешь, родня! Нечего тут учить. Наш Фэйфэй еще маленький, даже если завтра кого-то не узнает — невелика беда. Я забираю фото.

Говоря это, он бросал на Линь Сыняня полные раскаяния взгляды. Всё пропало. Он подвел

дядю. Такого чудесного ребенка умудрился запутать до полной потери ориентации. Если Фэйфэй теперь всегда будет так путаться, Линь Хань станет позором семьи!

С этими мыслями Линь Хань спрятал фото, схватил лежавшую на диване куртку и буквально набросил ее на голову малыша, укутывая его. Одной рукой он подхватил Фэйфэя, другой сгреб игрушечную лопатку и ведро, и решительно направился к выходу.

— Пошли, братик сводит тебя на улицу. Слепим еще одного снеговика, проветрим голову.

Не дожидаясь ответа, он распахнул дверь.

— А если мы слепим снеговика, Фэйфэю дадут мороженое? — Линь Хань не объявил результаты «экзамена», и малыш всё еще надеялся на награду.

Линь Хань не успел открыть рот, как сзади раздался голос Линь Сыняня:

— Дадут. Завтра брат отдаст тебе свою порцию.

А Линь Ханю — никакого мороженого! Ишь, учителя нашелся... Довел ребенка до того, что тот родного брата не узнает. Заслужил он мороженое, как же!

Троица снова вышла к своему снеговика, который теперь выглядел необычайно празднично. Линь Хань специально принес красный шарф и повязал его «снежному стражу», а на голову водрузил пеструю остроконечную шапку, похожую на праздничный колпак.

Глазами и пуговицами послужили шахматные фигуры Линь Гошэна, носом — морковка, а рот Фэйфэй нарисовал сам, пока Линь Сынянь держал его на руках.

Малыш изобразил широкую, сияющую улыбку. С ветками-руками, которые воткнул Линь Хань, красавец-снеговик и впрямь казался верным часовым, охраняющим ворота, как и мечтал Фэйфэй.

Линь Хань выбрал чистый пяточок снега напротив и принялся вместе с малышом лепить еще одного.

Ни Линь Хань, ни Линь Сынянь больше ни словом не обмолвились о запоминании имен. Стоило Фэйфэю хоть немного задуматься об этом, как они тут же переводили тему.

Прошло два часа.

Они не только слепили второго снеговика, но и успели вдоволь наиграться на детской

площадке за домом. Взрослые твердо решили полностью «перезагрузить» мозг малыша, пострадавший от избытка информации.

Наконец, вернувшись в гостиную, Линь Хань снова достал ту самую фотографию. Больше не мудрствуя, он просто указал на себя:

— Фэйфэй, посмотри еще раз. Кто это? — в его голосе слышалось неприкрытое напряжение, он даже невольно сглотнул.

На этот раз Фэйфэй не выпалил «третий братик». Он посмотрел на фото, потом с легким недоумением на Линь Ханя, потом снова на фото. Человек на снимке был точь-в-точь как его брат.

Линь Хань затаил дыхание. Свободная рука невольно сжалась в кулак.

— Это братик Хань, — выдал правильный ответ малыш.

В этот миг Линь Ханю показалось, что слово «братик» — самое прекрасное и мелодичное в мире. Уф, пронесло. Не заучил до дыр. Не сломал брату голову.

И в ту же секунду Линь Хань почувствовал, как «пожар» в спине утих — Линь Сынянь отвел свой тяжелый взгляд.

Особняк старшей ветви семьи Линь. Когда Линь Госюн в молодые годы только начинал обзаводиться недвижимостью, он хотел купить или построить дом поближе к родовому гнезду, чтобы было удобнее навещать родню.

Но Старый особняк семьи Линь был построен слишком давно, и вся земля вокруг него уже имела хозяев. Расспросив соседей и поняв, что никто не горит желанием продавать свои участки, Линь Госюн не стал тратить время впустую и просто купил виллу неподалеку от тогдашнего офисного здания компании.

После того как дочь Линь Госюна вышла замуж, его сыновья Линь Тяньюань и Линь Юйцин продолжали жить вместе с отцом — места в доме хватало всем.

Возможно, дело было в семейных традициях или в личном примере Линь Госюна и его братьев, но отношения в поколении Линь Цзинли были весьма теплыми. Как и Линь Цзинли с Линь Сынянем, Линь Тяньюань и Линь Юйцин никогда не грызлись из-за выгоды до хрипоты.

Впрочем, не исключено, что дело было в авторитете самого старика Госюна. Его кулаки были

отнюдь не для красоты; если бы сыновья посмели устроить братскую распрю, Госюн, не раздумывая, переломал бы обоим ноги, чтобы те пару месяцев полежали и подумали над своим поведением.

А если бы не помогло — повторил бы процедуру, пока дурь окончательно не выветрится.

Линь Госюн по натуре был человеком суровым. Фэйфэй был единственным исключением, в остальном же старик никогда не отличался мягкостью. Поэтому атмосфера здесь была далека от той легкости, что царила в старом особняке.

Нельзя сказать, что Линь Госюн тиранил внуков. До появления Фэйфэя в старом особняке тоже было не слишком весело.

Это вообще распространенное явление, почти эпидемия: если общая атмосфера в мире такова, то как может уцелеть отдельный маленький дом?

Напротив, такие места, как Старый особняк семьи Линь, где то и дело слышен смех, где по утрам раздаётся зычный голос старика на зарядке, где подростки вприпрыжку возвращаются из школы, а вечером вся семья собирается за столом, чтобы поболтать и искренне поулыбаться друг другу — такая атмосфера была величайшей редкостью. Если это не игра актеров в кино, то в реальности подобные семьи почти исчезли как вид.

Раньше Линь Госюн этого не замечал. Но стоило ему привыкнуть к теплу старого особняка, а затем внезапно вырваться из него, как он ощутил удушье. Слово мир внутри и снаружи особняка Линь был разделен на две разные стихии: мир птиц и мир рыб.

В одном мире жили птицы без ног. Весь мир был полон таких птиц. Они были обречены день за днем взмахивать крыльями, даже если силы на исходе, даже если от усталости хочется сдаться и рухнуть вниз. Но их удерживала невидимая нить. Эта нить называлась «род», «продолжение», «долг».

Но рыбы — иное дело. Рыбы счастливы. Они живут в воде, окруженные прозрачными течениями и веселыми сородичами. Рыба лениво скользит в потоке, шевеля хвостом и время от времени выпуская цепочку пузырьков. У рыбы тоже есть своя стая, она тоже вечно плывет куда-то, но плывет в радости. И даже если в стае нет никаких оков, она сама хочет плыть вместе со всеми.

И вот однажды старая птица, не выдержав, упала в воду. Она думала, что это конец, но это стало рождением.

Она сама превратилась в рыбу! Каждый день она плавала вместе со стаей, лениво пускала пузырьки и радовалась, глядя на снующих вокруг мальков.

Привыкнуть к жизни рыбы оказалось проще простого — проще, чем дышать. Ведь стремление к лучшему — это вечный инстинкт любого живого существа.

Но потом чья-то рука внезапно выловила рыбу и бросила на берег. Птица, ставшая рыбой, думала, что справится, но обнаружила, что снаружи даже воздух пропитан запахом тлена. Рыба без воды могла лишь отчаянно биться на песке.

Эта чудовищная разница заставила Линь Госюна замолчать. Он осознал горькую истину: от нужды к роскоши привыкаешь мгновенно, но вернуться от тепла к холоду — задача почти невыполнимая. Сложнее, чем взойти на небеса.

В комнате близнецов Линь Ци и Линь Линя царил тишина. Братья были не слишком похожи друг на друга, их легко можно было различить.

Линь Ци с сочувствием и легким раздражением смотрел на брата, который с самого утра лежал под одеялом, не подавая признаков жизни.

— Ты же только что вернулся с концерта своего кумира, разве нет? — Линь Ци вздохнул. — Почему вид такой, будто ты собрался помирать?

Ответа не последовало.

Линь Ци продолжил:

— Ты же всегда обожал Байцзэ. Столько ждал этого концерта, я тебе даже все свои карманные деньги отдал. Ты сидел в первом ряду, сфотографировался с ним. Даже через отца пролез за кулисы, чтобы пообщаться вживую. Неужели тебе мало? Или ты там под одеялом на фото любишься и втихаря радуешься?

С этими словами Линь Ци подошел к кровати и одним рывком откинул одеяло. Но вместо довольной улыбки он увидел сжавшееся в комок тело и беззвучные, горькие слезы.

Линь Линь поднял голову. В глазах подростка, который обычно казался всем заносчивым и самоуверенным, теперь плескались лишь серая пустота и беспросветное отчаяние.

— Брат, мне конец, — прошептал он. — Я порвал фото с Байцзэ. Это всё бесполезно! Пустые сказки! Ничего не помогает, что бы я ни делал!

— Ничего не помогает... — его голос сорвался с истерики на жуткое спокойствие. Лицо застыло маской, но слезы продолжали катиться по щекам.

Перед чужими он мог притворяться сколько угодно, делая вид, что тени переходного периода

давно рассеялись и он привык к взрослому миру. Но перед братом, с которым они делили одну утробу, он не мог лгать. Он знал: это не прошло. Они оба застряли в этой тьме.

<http://bllate.org/book/13654/1591614>